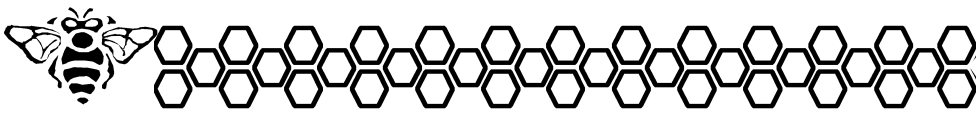
Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

STUDIA PHILOLOGICA

STUDIA PHILOLOGICA



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

Л. Л. КАСАТКИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

Том II

2-е издание

Издательский Дом ЯСК
Языки славянской культуры
Москва 2018

ББК 81.2Рус-1
УДК 811.161.1
К 28

Касаткин Л. Л.

К 28 Избранные труды. Т. II. — 2-е изд. — М.: Издательский Дом ЯСК: Языки славянской культуры, 2018. — 752 с., ил. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-94457-328-5 (т. II)
ISBN 978-5-6040195-5-9

Эти Труды, т. II, написаны Л. Л. Касаткиным в XX веке (кроме четырёх статей из раздела «Описания русских диалектов по деревенским рассказам» и трёх статей из раздела «История русского языка», написанных им в XXI веке) и являются продолжением книги Л. Л. Касаткина «Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка» (М.: Наука: Школа «Языки русской культуры», 1999).

Книга содержит новый диалектный материал, собранный автором во время его многолетних диалектологических экспедиций. В ней описаны многие ранее неизвестные явления, в том числе и такие, которые позволяют по-новому охарактеризовать важные звенья систем современных русских говоров, установить их историю.

Для специалистов в области современного русского литературного языка, русской диалектологии и истории русского языка, преподавателей вузов, аспирантов и студентов филологических факультетов.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-1

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-94457-328-5

9 785944 573285 >

© Л. Л. Касаткин, 2017
© Издательский Дом ЯСК, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I. Общие проблемы диалектологии 7
Что такое диалектный язык 9
Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова 21
Новые достижения и задачи русской диалектологии 34

II. Описания диалектов и отдельных диалектных черт 49
Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН 51
Фонетика литургической и бытовой речи в двух старообрядческих говорах 78
Русский язык орегонских старообрядцев: языковые портреты 83
Прародина орегонских старообрядцев-турчан по данным их говоров 100
Донские казачьи говоры 111
Диалект липован — русских старообрядцев Нижнего Подунавья 123
Русский говор села Татарица в Болгарии 134
Русский говор села Кунича Флорештского района Молдавии 153
Русский говор села Покровки Дондюшанского района Молдавии 188
К истории изучения слободских говоров 204
Консонантизм слободских говоров 205
Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах 240
Некоторые фонетические особенности вятских говоров 253
Из истории аканья — яканья в русском и белорусском языках 260
Аканье и яканье в одном старообрядческом говоре и вопросы истории этих систем вокализма 284
Особый тип яканья С’аСЃ || С’еС’Ѓ в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья 296
Динамика изменения яканья в одном южнорусском говоре 303
Диереза и оглушение гласных в говорах Донской группы Южного наречия 321
Некоторые фонетические особенности говоров семейских — старообрядцев Забайкалья 344
Фонема /v/ в русских говорах 353
Значение биологического вида у членов парных по роду названий некоторых домашних животных в русских диалектах и литературном языке 357
Неопределённые местоимения и наречия с постфиксом / суффиксом *-ся*/*-сь* в говорах русских старообрядцев 382

Некоторые текстовые коннекторы в региональных и социальных разновидностях русского языка (*а*, *но*, *ну*) ... 389
Некоторые диалектные архаизмы в говоре орегонских «турчан» ... 399
Сохранение в говорах старообрядцев диалектных черт прошлых эпох ... 405
Язык — свидетель беспристрастный: А. С. Пушкин — автор сказки «Конёк-горбунок» ... 418

III. Описания русских диалектов по деревенским рассказам ... 465
Идиолект донской казачки ... 467
Говор села Бояновичи Хвастовичского района Калужской области ... 509
Говор деревни Анненково Фатежского района Курской области ... 524
Говор села Новосёлки Рыбновского района Рязанской области ... 540
Говор старообрядцев-некрасовцев из посёлка Левокумский Левокумского района Ставропольского края ... 549
Говор старообрядцев-«турчан» из штата Орегон США ... 558
Русский говор села Приморское Одесской области Украины и история села, рассказанная его жительницей ... 565

IV. Рассказы деревенских жителей ... 587
Китай — Бразилия — США — рассказы жительницы г. Вудбурн штата Орегон США А. Н. Лысовой ... 589
На торфе в военные годы — рассказ жительницы д. Лека Шатурского р-на Московской обл. А. А. Гуськовой ... 599
«Зачем маменька родила на такое горюшко?» — рассказ жительницы с. Мишутиха Харовского р-на Вологодской обл. Н. Л. Лопатиной ... 604
Время войны — рассказ жительницы ст. Голубинской Калачёвского р-на Волгоградской обл. П. П. Романенко ... 616
Рассказы пилиповки — рассказы жительницы с. Пилипы-Хребтиевские Ново-Ушицкого р-на Хмельницкой обл. Украины М. А. Ягодиной ... 626

V. История русского языка ... 651
Основной закон развития фонетики русского языка ... 653
Русская диалектная и историческая фонетика в работах Р. О. Якобсона ... 660
К истории фонем /о/ — /ω/ ... 673
Чтение слов с буквой *щ* ... 675
Некоторые закономерности процесса смены места ударения в словах русского языка ... 677

VI. Диалектологи ... 695
Лидия Николаевна Булатова ... 697
Оксана Герасимовна Гецова ... 708
Варвара Георгиевна Орлова ... 717

Литература ... 721

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

ЧТО ТАКОЕ ДИАЛЕКТНЫЙ ЯЗЫК*

1. В 1947 г. Р. И. Аванесов выдвинул следующее положение: «При всём различии фонетических систем отдельных русских говоров в них имеются, наряду с чертами различия, черты общие, тожественные. Поэтому можно говорить не только о частных фонетических системах отдельных русских говоров, но также и — в несколько, правда, ином смысле — об общей фонетической системе русского языка в целом. Эта последняя заключает в себе, с одной стороны, черты общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, мобильные, в которых и проявляются диалектные различия. Поэтому наряду с частными фонетическими системами отдельных говоров возможно построение фонетической системы "высшего ранга", можно сказать "системы фонетических систем" русского языка в целом, включая все его диалектные разновидности и литературный язык» [Аванесов 1947/1970: 301].

Позднее Р. И. Аванесов распространил эту формулировку, выдвинутую им в отношении фонетической системы, на весь язык: «При всём различии систем отдельных русских говоров в них имеются наряду с чертами различия черты общие, тожественные. Поэтому можно говорить не только о частных системах отдельных русских говоров, но также и об общей системе русского языка в целом со всеми его говорами. Эта последняя включает в себе, с одной стороны, черты, общие для всего русского языка, черты, так сказать, устойчивые, стабильные и, с другой стороны, черты, в большей или меньшей степени неустойчивые, подвижные, в которых и проявляются диалектные различия» [Аванесов 1949: 10]. «Структура языка, рассматриваемого во всём многообразии его местных разновидностей и нормализованного типа национального языка, включает в себя, с одной стороны, элементы общие, т. е. свойственные всем разновидностям данного языка, с другой — элементы частные, различительные, т. е. такие, в которых проявляются диалектные различия» [Аванесов 1957: 9]. «Система языка в разных пунктах картографируемой территории обычно оказывается тожественной в одних своих звеньях (элементах) и различающейся в других. Это даёт право говорить о языке народа в аспекте территориальном как о сложной системе или системе частных систем, включающей в свой состав черты общие, тожественные в любой частной системе, и черты различительные, специфические для разных частных систем» [Аванесов, Бернштейн 1958: 7].

Общими для всего русского языка элементами Р. И. Аванесов считал следующие: «Единство русского языка сказывается в общности решающих элементов

---

* Первая публикация: *Касаткин Л. Л.* Что такое диалектный язык // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2 (14). С. 253–267.

грамматического строя, ряда принципиальных элементов фонематической системы (например, широко представленные коррелятивные пары твёрдых и мягких согласных фонем, различение этих пар перед [о]; неразличение гласных [и] и [ы] как особых фонем), так называемого основного словарного фонда» [Вопросы теории 1962: 7].

Дальнейшее изучение русских говоров показало, что таких черт, общих для всего русского языка, включая все его диалекты и литературный язык, гораздо меньше, чем думал Р. И. Аванесов. Так, были обнаружены русские говоры, где нет противопоставления согласных по твёрдости / мягкости, а звуки [и] и [ы] являются представителями разных фонем (см. [Касаткин 1973; 1999: 143–170]). Теперь можно с уверенностью говорить, что таких фонетических черт, которые были бы свойственны всем русским говорам и литературному языку, в действительности нет. Доминанты, основные представители всех фонем неодинаковы в русских говорах и образуют диалектные различия[1]. То же надо сказать и о фонологических системах, о составе фонем, их соотношении, реализациях в разных позициях, о суперсегментных единицах и средствах их выделения.

Интенсивное собирание и изучение диалектной лексики во второй половине XX в. привело к пониманию того, что в так называемой общенародной лексике по говорам существуют различия. Все или почти все слова говора не совпадают полностью с соответствующими словами литературного языка: у них могут отсутствовать некоторые значения, свойственные этим словам в литературном языке, либо эти слова могут обладать такими значениями, которых нет в литературном языке, а также может быть иная сочетаемость с другими словами или иная стилистическая характеристика (см. [Оссовецкий 1964: 185–188; Словарь д. Деулино 1969: 8–9; Гецова, Ильинская 2002: 207]).

2. Р. И. Аванесов предложил термин «диалектный язык», который широко использовался в работах и самого Р. И. Аванесова, и некоторых его учеников. Содержание этого термина определялось следующим образом.

Один говор, по определению Р. И. Аванесова, представляет собой микросистему, «не имеющую измерений», «одну территориальную точку», «взятую в одном хронологическом срезе», или «частную диалектную систему». «Совокупность микросистем образует макросистему, или систему систем, которая характеризуется чертами, общими для макросистемы как целого, и чертами, отличающими в пределах данной макросистемы одни микросистемы (или группы их) от других. <...> Макросистемы с менее глубокими различиями входящих в её состав микросистем и охватывающие относительно ограниченные территории (макросистемы 1-й степени) могут входить в макросистему с более глубокими различиями <...> охватывающими более обширную территорию (иначе — в макросистему 2-й степени) и т. д. <...> Диалектный

[1] Возможно, звук [м], доминанта фонемы /м/, одинаков во всех говорах, однако изучение этого звука в русских говорах, в том числе инструментальные исследования, не проводилось. В соответствии с разными артикуляционными базами русских говоров можно предполагать в них и отличия в тембре этого звука.

язык представляет собой сложную систему диалектных микросистем и макросистем различных степеней». Термину «макросистема 1-й степени» соответствует термин «группа говоров», термину «макросистема 2-й степени» — «наречие» [Аванесов 1963: 296–299; 1964: 10–11; 1965: 35].

Близость систем (макросистем), образующих макросистему следующего уровня, может быть различной: макросистемы 1-й степени «отличаются ярко выраженным единством своей структуры», у макросистем 2-й степени «такое единство может отсутствовать: отдельные более частные системы, входящие в состав макросистемы 2-й степени, обладая общностью по определённому кругу черт, в то же время могут существенно отличаться друг от друга по своей структуре» [Аванесов 1964: 10–11].

Если следовать логике Р. И. Аванесова, то можно считать, что родственные языки тоже образуют макросистемы 3-й, 4-й и т. д. степеней в зависимости от степени родства; например, восточнославянские — славянские — индоевропейские языки, а если продолжить и далее, то и ностратические языки. У этих языков тоже наряду с различительными чертами есть и черты общие, объединяющие эти разные языки в группы или семьи.

И действительно, Р. И. Аванесов допускал, что «…возможны разные языки, которым свойственна одна сложная система, имеющая различительные элементы. Точно так же есть языки, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы[2]. <...> Впрочем, это разграничение практически не так уж существенно: важно определить удельный вес общих и различительных элементов системы языка на разных территориях» [Аванесов 1962: 25–26]. «Моделируя диалектный язык, исследователь имеет дело с системой языка в его территориальном варьировании. К какому диалекту (а в иных случаях даже — к какому языку, если речь идет о близкородственных языках (выделено мною. — *Л. К.*)) относится та или другая микросистема, для него не имеет особого значения: существенно лишь выделение элементов системы языка, одни из которых объединяют диалектный язык как единое структурное целое, а другие противопоставляют и разграничивают разные его части как разные структурные единства “низшего” ранга (входящие в состав структурного единства “высшего” ранга)» [Аванесов 1963: 305].

---

[2] Р. И. Аванесов также писал: «Указанное разграничение (одна система, имеющая различительные элементы, и разные системы, имеющие общие элементы) не совпадает с разграничением конкретного языка, с одной стороны, и группы родственных языков — с другой. Возможны разные языки, которым свойственна одна система, имеющая различительные элементы, точно так же имеется немало отдельных конкретных языков, диалектам которых свойственны разные системы, имеющие общие элементы (многие языки Северного Кавказа, армянский язык)» [Аванесов, Бернштейн 1958: 9]. Однако о славянских языках Р. И. Аванесов писал: «Если на отдельной национальной территории язык чаще образует одну сложную систему или — что то же — систему частных систем, различающуюся в отдельных своих звеньях (элементах), то на территории группы родственных языков наличествуют разные системы, имеющие общие элементы» [Аванесов 1962: 502].

Но как определять этот «удельный вес общих и различительных элементов» и где та граница между их «удельными весами», которая позволяет считать, что два языка обладают одной языковой системой или разными, что диалекты одного языка входят в одну или разные системы и, следовательно, образуют один диалектный язык или более, Р. И. Аванесов не уточнил.

В неоднократно повторяемом в разных работах Р. И. Аванесова положении, что язык, в том числе и диалектный язык, представляет собой систему, проявлялась приверженность автора к идеям структурной лингвистики, представителем которой Р. И. Аванесов был как один из основателей Московской фонологической школы. Эти идеи Р. И. Аванесов, глава Московской диалектологической школы, в том числе и Московской школы лингвистической географии, старался реализовать и в диалектологии.

При этом Р. И. Аванесов понимал, что та идеальная система языка, которую выстраивают лингвисты, может не вполне соответствовать реальной, более сложной системе самого существующего языка: «Идея о том, что язык образует систему, есть, вне сомнения, величайшее завоевание современного языкознания, идущее ещё от И. А. Бодуэна де Куртенэ и укрепившееся в учении Ф. де Соссюра. Больше того, даже самоё представление о системе языка как о величине, не имеющей измерений, несмотря на то, что оно не соответствует непосредственной реальной языковой действительности, чрезвычайно важно, так как без него рушилась бы самая идея системы языка. Не соответствуя непосредственно и в полной мере реально существующей языковой системе, такое представление о системе языка ценно потому, что оно представляет собой как бы её идеальную модель и отражает её существенный признак — наличие закономерных связей между отдельными её элементами. Без такого представления о системе языка мы бы не имели, так сказать, точки опоры, отправляясь от которой можно было бы понять систему языка как целого в качестве явления более сложного, каким оно является в действительности» [Вопросы теории 1962: 8].

Р. И. Аванесов своими трудами и своей организаторской деятельностью, в том числе и созданием самого крупного в мире национального диалектологического атласа, сыграл выдающуюся роль в истории нашей и мировой науки. Важно и то, что в своих трудах Р. И. Аванесов опирался на передовые для его времени и не утратившие своего значения и в современную эпоху идеи и методы структурной лингвистики. Однако, выстраивая свою систему диалектного языка, Р. И. Аванесов употреблял термин «система» не в том значении, которое он сам при этом декларировал.

В одной из своих главных работ, посвящённых обоснованию понятия «диалектный язык», Р. И. Аванесов писал: «Современной лингвистике свойственно стремление изучать язык как систему, отдельные элементы которой взаимно обусловлены и как таковые не существуют изолированно, сами по себе, вне системы» [Аванесов 1963: 308; выделено мною. — *Л. К.*]. Именно в этом ключе рассматривал Р. И. Аванесов фонетическую систему русского литературного языка, из этого понимания системы и её элементов он исходил и в конкретных своих описаниях фонем и их истории [Аванесов 1974].

У слова «система» в современном русском литературном языке есть несколько значений. В применении к человеческому языку установилось то понимание, которое формулирует Р. И. Аванесов; см. также: [ЛЭС 1990: 452].

Так, если в фонетической системе говора есть фонема /ц/, представленная в абсолютно сильной позиции (т. е. в сигнификативно и перцептивно сильной) звуком [ц], то её содержание (состав её дифференциальных признаков) обусловлено наличием и содержанием других фонем этой системы.

В говорах с твёрдым цоканьем /ц/ — единственная аффриката, этим признаком она отличается от всех остальных фонем, поэтому её содержание характеризуется одним дифференциальным признаком — аффрикатностью. В говорах, где наряду с /ц/, представленной звуком [ц], есть фонема /ч/, представленная твёрдым [ч], в состав дифференциальных признаков фонемы /ц/ входят аффрикатность и второй — зубность, отличающий /ц/ от /ч/.

В говорах, где наряду с /ц/ есть фонема, представленная звуком [ч’], содержание фонемы /ц/ составляют тоже два дифференциальных признака, один из которых аффрикатность, а другой тот, по которому противопоставлены эти две аффрикаты. Звуки [ц] и [ч’] отличаются двумя признаками: [ц] зубной твёрдый, [ч’] передненёбный мягкий. Какой из них — место образования или твёрдость / мягкость — дифференциальный, а какой интегральный, зависит от веса этих признаков в системе, что, в свою очередь, зависит от наличия или отсутствия в говоре корреляции согласных по твёрдости / мягкости и от степени её развитости. В говорах с развитой этой корреляцией (как в литературном языке) она включает значительно большее число фонем, чем корреляция по зубности / передненёбности. Поэтому твёрдость / мягкость — дифференциальный признак фонем /ц/, /ч’/, а зубность [ц] и передненёбность [ч’] — интегральный. В говорах с неразвитой корреляцией согласных по твёрдости / мягкости фонемы /ц/–/ч’/ противопоставлены как зубная передненёбной, эти признаки дифференциальные, а твёрдость [ц] и мягкость [ч’] — интегральные.

Значение глагольной формы с суффиксом *-л-* зависит от наличия в глагольной системе других форм. В системе, аналогичной литературной, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в прошлом. В говорах, где наряду с этой формой есть форма давнопрошедшего времени, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в недавнем прошлом, тогда как о давно прошедшем действии надо сказать: *Он был уехал*. В говорах, где есть форма перфекта, *Он уехал* обозначает действие, совершённое в прошлом без соотнесения с настоящим, тогда как *Он уехавши* обозначает действие, совершённое в прошлом, результат которого есть и в настоящем: ‘он уехал и его здесь нет’.

В говорах, где система терминов родства аналогична литературной, в значение слова *брат* не входит дифференциальный признак ‘прямое родство’. Поэтому для обозначения прямого или непрямого родства необходимо дополнительное указание: *родной брат*, *двоюродный брат*, *троюродный брат*. В некоторых говорах ‘прямое родство’ — дифференциальный признак, входящий в состав значения слова *брат*, так как ему противопоставлено слово *братáн* со значением ‘двоюродный брат’.

Системы разных языковых ярусов взаимосвязаны и образуют сложную систему, или систему систем, говора. Например, от наличия в фонетической системе говора

двух фонем /е/ и /ѣ/ или в соответствии с ними одной /е/ может зависеть система склонения имен. Так, в некоторых говорах с /е/ и /ѣ/ у личных местоимений 1-го и 2-го лица и возвратного формы род.-вин. п. ед. ч. противопоставлены формам дат.-предл. п.: род.-вин. *мене́*, *тебе́*, *себе́* — дат.-предл. *менѣ́*, *тебѣ́*, *себѣ́*. В говоре, где на месте /е/ и /ѣ/ выступает одна фонема /е/, формы всех четырёх падежей у этих местоимений не различаются, нейтрализованы: род.-дат.-вин.-предл. *мене́*, *тебе́*, *себе́*.

Существует определённая связь конкретных слов с лексической системой и грамматической. Например, слова *зверь*, *мышь*, *путь* входят в разные тематические группы (семантические поля). От того, какого рода эти слова в говоре — мужского или женского, зависит их тип склонения и функциональная нагрузка разных типов склонения.

Можно говорить о системе одного говора, но разные говоры одного и того же языка не составляют, вопреки тому, что писал Р. И. Аванесов, одной макросистемы: их нельзя считать элементами этой «системы», так как между ними нет взаимной связи и взаимообусловленности. Всякая классификация или группировка говоров рассматривает их как независимые объекты.

Между соседними говорами можно видеть некоторую связь. Она вызвана контактами между жителями этих населённых пунктов. Такое же влияние друг на друга могут оказывать и контактирующие языки. Но степень влияния и его направление от одного говора (языка) к другому обусловлены, главным образом, внелингвистическими факторами — политическими, экономическими, природными (географическими). Но это не та «взаимосвязь», которая существует между элементами одной системы.

Диалектный язык, по Р. И. Аванесову, представляют варианты не только территориальные, но и временные. Термином «макросистема» Р. И. Аванесов определял не только современный диалектный язык «с включённым пространством и выключенным временем», т. е. «территориальную макросистему», или «топо-макросистему», но и «макросистему с выключенным пространством (т. е. однотерриториальную) и включённым временем», т. е. «хроно-макросистему», и «хроно-топо-макросистему», т. е. «макросистему в её разных хронологических срезах и в её территориальной динамике во времени» ([Аванесов 1963: 311–313]; см. также: [Аванесов, Бернштейн 1958: 4–5]).

Язык современного старшего поколения отличается от языка среднего, младшего и самого младшего поколения. Можно говорить в этом случае о разных языковых системах. Однако они функционируют в одном языковом пространстве, временном и территориальном. Поэтому можно считать, что в говоре или в литературном языке они образуют одну сложную систему взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов.

Но русский литературный язык современный и XVII, XVIII, XIX, начала XX в. — разные системы, хотя различий между ними гораздо меньше, чем сходств, и чем ближе к нашему времени, тем этих сходств больше. Это разные языковые системы, так как эпохи их функционирования не совпадают, не пересекаются. Когда говорят об истории русского литературного языка XVII–XXI вв., имеют в виду, что это один

язык. Но каждое изменение, происшедшее за это время в фонетической системе, или системе грамматической, или лексической, есть и изменение общей системы языка[3].

Ф. де Соссюр, один из «отцов» структурализма, иллюстрирует своё понимание системы примером из области шахмат: «…тот факт, что эта игра пришла в Европу из Персии, — внешнего порядка; напротив, внутренним является всё то, что касается системы и правил игры. Если я деревянные фигуры заменю фигурами из слоновой кости, такая замена безразлична для системы; но если я уменьшу или увеличу количество фигур, такая перемена глубоко затронет “грамматику” игры. <…> Возьмём коня: является ли он сам по себе элементом игры? Конечно, нет, потому что в своей чистой материальности, вне своего места и прочих условий игры, он ничего для игрока не представляет, а становится он в игре элементом реальным и конкретным лишь постольку, поскольку он облечён своей значимостью и с нею неразрывно связан. Предположим, что в течение партии эта фигура уничтожится или потеряется: можно ли будет заменить её другой? Конечно, можно: и не только другая фигура, изображающая коня, но любой предмет, ничего общего с ним не имеющий, может быть отожествлён с конём, поскольку ему будет придана та же значимость. <…> Каждый шахматный ход приводит в движение только одну фигуру <…>. Несмотря на это, каждый ход отзывается на всей системе» [Соссюр 1933: 45, 94–95, 111]. Ю. Д. Апресян, рассматривая этот пример, пишет: «Если мы заменим деревянные фигуры фигурами из слоновой кости, металла или стекла, такая замена будет безразлична для системы, потому что отношения между фигурами или их противопоставления друг другу (“значимости”) остаются прежними» [Апресян 1966: 28–29, 31].

Можно представить себе некое множество лежащих на большом столе шариков, кубиков, пирамидок разной величины, разного цвета, сделанных из разного материала. Все эти предметы объединены общим признаком: это артефакты — произведения рук человека, а не природы. Можно сгруппировать эти предметы, произвести их классификацию, разделив их сначала на три подмножества (разложив на кучки) в зависимости от их формы: шарики, кубики и пирамидки. Может быть и иное распределение: шарики могут быть сначала отделены от кубиков и пирамидок, имеющих общий признак — наличие граней и плоскостей. Внутри этих подмножеств могут быть выделены более мелкие подмножества по признаку величины: крупные, средние и мелкие. Можно произвести и дальнейшее разбиение, распределив эти предметы по цвету: красные, синие, чёрные — или по материалу: из дуба, из липы, из пластмассы и т. д. Можно произвести и другие разбиения всего этого множества, распределив веса признаков по-иному: главным признаком считать не форму этих предметов, а величину, или цвет, или материал.

---

[3] Р. И. Аванесов считал, что «древнерусский язык по отношению к современному русскому литературному языку может быть рассматриваем в известной мере как другой язык», что «факты древнерусского языка (А) и факты современного русского языка (В) <…> по своему строю и словарному составу представляют собой разные системы, разные языки» [Словарь XI–XIV вв.: 3, 18–19].

В каждом из этих множеств и подмножеств можно выделить (как и в описываемом Р. И. Аванесовым диалектном языке и в составляющих его «макросистемах» более низкого ранга) черты (признаки), общие для всех его членов, и черты, их различающие. Однако ни одно из этих множеств не является системой в вышеуказанном смысле. Можно из любого подмножества (кучки) вынуть часть предметов или добавить туда подобные, при этом с остальными ничего не произойдёт: каждый предмет из всего этого множества существует самостоятельно и независимо от остальных.

Также и диалектный язык, по определению Р. И. Аванесова, состоит из «микросистем» (говоров), «макросистем 1-й степени» (групп говоров) и «макросистем 2-й степени» (наречий), существующих как независимые друг от друга объекты. От рассмотрения их по отдельности или всех вместе ничего с ними не происходит, ничего не меняется. Может меняться лишь порядок описания присущих им черт. Если сначала даётся характеристика наречия, то описываются черты, свойственные всем входящим в него диалектным группам, а эти группы описываются по чертам, отличающим их друг от друга. Если же описывается какая-либо одна из этих диалектных групп, то должны быть перечислены и те и другие её черты. Но сами наборы этих языковых черт у каждого из этих диалектов остаются неизменными.

Любая классификация, любая группировка представляет объекты, упорядоченные определённым образом на основе общности их свойств, признаков, но не составляющие систему в указанном выше смысле. Отличительная особенность такой системы, как уже упоминалось, — взаимосвязанность и взаимообусловленность её элементов; ср. [Реформатский 1996: 37–38].

Существует в русском языке и другое, более старое значение слова «система» — ‘определённый порядок расположения частей целого’ (см. [Даль 1903–1909/1994, т. 4]), к которому близко значение ‘классификация, группировка’ (см. [МАС, т. 4]). «Система» диалектного языка может быть понята только в этом смысле.

Таким образом, при характеристике диалектного языка Р. И. Аванесов употребил термин «система» не в том значении, которое он сам определил и которому следовал в других своих работах, а в более старом, доструктуралистском, встречающемся теперь уже как архаизм при рассмотрения языка, не говоря уже о других семиотических системах.

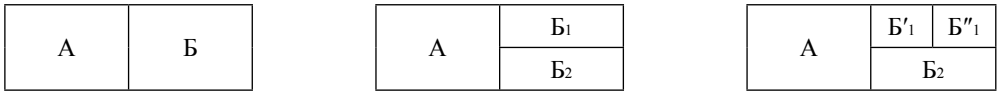
3. Диалекты одного языка выделяются на основе существующих между ними различий. Р. И. Аванесов в своих трудах разработал теорию диалектного различия, сыгравшую решающую роль в формировании созданной им и его учениками Московской школы лингвистической географии. Эта теория изложена в ряде работ (см., в частности, [Вопросы теории 1962]) и реализована главным образом в региональных диалектологических атласах[4] и созданном на их основе Диалектологическом

[4] Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1951; не изданы и хранятся в рукописном виде в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Атлас русских говоров северо-западных областей РСФСР» под ред. В. И. Борковского и С. С. Высотского, «Атлас русских говоров центральных областей к западу от Москвы» под ред. Р. И. Аванесова, «Атлас

атласе русского языка [ДАРЯ]. Диалектные различия — предмет картографирования в диалектологических (лингвистических) атласах. «Диалектное различие, — писал Р. И. Аванесов, — есть такой элемент структуры языка, который в отдельных диалектных микросистемах выступает в разных своих соотносительных вариантах, в разных своих членах» [Аванесов 1964: 11].

Диалектные различия наблюдаются во всех ярусах языковых систем. При этом обычно один из членов междиалектного соответственного явления совпадает с литературным вариантом; например: аканье : оканье, аканье сильное : аканье диссимилятивное, иканье : еканье : яканье; [г] : [ɣ]; [ч’] : [ч] : [ч”] : [ц] : [ц’] : [ц”] : [ш’]; ударные окончания дат.-предл. п. ед. ч. существительных 1-го склонения *-е* : *-ы*: *к*(*о*) *жене́* : *к*(*о*) *жены́*; твёрдость : мягкость заднеязычного согласного основы перед безударным окончанием предл. п. ед. ч. прилагательных м. и ср. р.: *в то́н*[к]*ом*, *в до́л*[г]*ом*, *в ти́*[х]*ом* : *в то́н*[к’]*им*, *в до́л*[г’]*им*, *в ти́*[х’]*им*; форма местоимения *тот* : *той*; форма инфинитива глаголов на заднеязычный согласный *печь*, *беречь* : *печи*, *беречи* : *пекчи*, *берегчи* : *пекти*, *берегти* : *печти*, *беречти*; пространственные конструкции с предлогом *из* : *с* : *з*: *приехал из Москвы* : *с Москвы* : *з Москвы*; названия петуха: *петух* : *пету́н* : *пе́ву́н* : *пе́ю́н* : *пе́вень* : *ко́чет*; значения слова *пахать*: ‘пахать’ : ‘мести пол, двор, улицу’ : ‘резать хлеб небрежно, крупно, в большом количестве’ и т. п. И лишь в редких случаях ни один из членов диалектного различия не имеет соответствия в литературном языке в связи с отсутствием самого понятия или отдельного слова, называющего соответствующее понятие; например: название берестяного сосуда цилиндрической формы: *ту́ес* : *бура́к*; название хорошей погоды: *вёдро* : *погода* и др.

Члены диалектных различий имеют разный статус при выделении диалектов — территориальных единиц разных рангов. Одни из этих диалектных различий выделяют наиболее крупные диалекты первой степени членения, другие — второй, третьей и др. степеней[5]. Используя схему Р. И. Аванесова [Аванесов 1965: 31], можно показать эту зависимость следующим образом:



Диалекты первого уровня членения А и Б характеризуются разными соответственными членами диалектных различий; например, Северное и Южное наречия русского языка противопоставлены по таким чертам, как полное оканье — аканье, произношение [г] — [ɣ], твёрдая фонема /т/ — мягкая фонема /т’/ в окончании

русских говоров центральных областей к северу от Москвы» под ред. О. Н. Мораховской и Т. Ю. Строгановой, «Атлас русских говоров центральных областей к югу от Москвы» под ред. В. Г. Орловой.

[5] «В структуре языка диалекты могут занимать разное положение, быть разных “рангов” (ср., например, понятия “северновеликорусское наречие”, “олонецкая группа говоров”, “говоры Пудожского района”, “говор дер. Келкозеро”)» [Аванесов 1947: 300].

3-го лица глаголов, название посуды, в которой заквашивают тесто, *дежá*, *дéжка — квашня́*, *квашóнка*, и др.

Диалекты второго уровня членения Б$_1$ и Б$_2$ характеризуются общими чертами, свойственными диалекту Б, и противопоставлены по ряду других черт; например, Восточная (Рязанская) и Донская группы Южного наречия противопоставлены по таким чертам, как отсутствие — наличие перехода [е] в [’о] в отдельных словах и в личных окончаниях глаголов: *св*[é]*кор*, *с*[é]*стры*, *кот*[é]*нок*, *нес*[é]*ш*, *нес*[é]*т* — *св*[’ó]*кор*, *с*[’ó]*стры*, *кот*[’ó]*нок*, *нес*[’ó]*ш*, *нес*[’ó]*т*; прогрессивное смягчение [к] после парных мягких согласных, /j/ и звуков на месте *ч*: *бáнь*[к’]*я*, *чай*[к’]*ю́*, *дóч*[к’]*я* — смягчение [к] только после парных мягких согласных и /j/: *бáнь*[к’]*я*, *чай*[к’]*ю́*, но *дóч*[к]*а*, и др.

Диалекты третьего уровня членения Б′$_1$ и Б″$_1$ характеризуются общими чертами, свойственными диалекту Б$_1$, и противопоставлены по ряду других черт; например, Хоперская и Чирская подгруппы Донской группы говоров противопоставлены по таким чертам, как культуковский и кидусовский типы ассимилятивно-диссимилятивного яканья — донской тип диссимилятивного яканья; произношение на месте /ф/ звуков [ф] — [хв]; формы слов *блеснá*, *копнá*, *метлá*, *стенá*, *стрелá — блеснó*, *копнó*, *метлó*, *стенó*, *стрелó*; эпитеза (вставка в конце слова) гласного [у] в безударном окончании 3-го лица мн. ч. глаголов — отсутствие такой эпитезы: *бéгают*ю, *забирáют*ю, *рабóтают*ю, *вóзют*ю *— бéгать*, *забирáть*, *рабóтать*, *вóзють*; *курéнь* ‘плохой дом, развалюшка’ — ‘лучший дом, квадратный казачий дом с четырёхскатной крышей’ и др. (см. [Орлов 1984: 86–90; Касаткин 2000; Русская диалектология 2013: 269–287]).

Все члены диалектных различий, по мнению Р. И. Аванесова, представляют собой элементы «системы диалектного языка». Однако никакой взаимосвязанности и взаимообусловленности (необходимого признака любой системы) членов диалектных различий в действительности нет. Рассматриваем ли мы весь ряд членов диалектного различия, свойственный всем диалектам, или часть членов этого ряда, свойственных одному из диалектов высшего «ранга» (уровня членения), или лишь один из членов, характерный для диалекта более низкого «ранга», характер, содержание этих членов не меняется. **Любой набор диалектных различий, как и любой набор членов междиалектных соответствий, можно считать лишь упорядоченным множеством, но никак не языковой системой.** И эта упорядоченность разная в случаях, когда лингвист оценивает члены междиалектных соответствий с точки зрения их места в языковой системе, или в группировке говоров, или в типологической классификации.

Так, русские говоры различаются по наличию или отсутствию в их фонетических системах особых фонем /ѣ/ и /ѡ/ — важной черте при характеристике конкретного говора, но несущественной с точки зрения выделения групп говоров и наречий, так как говоры с наличием и отсутствием этих фонем не выделяют более или менее компактных территорий. Аканье — наиболее важный признак, противопоставляющий Южное наречие Северному в группировке говоров К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой (как и в группировке Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколова и Д. Н. Ушакова). В типологической классификации Н. Н. Пшеничновой, где выделяются Главные и не-Главные,

типоопределяющие и сопутствующие признаки, аканье отнесено к сопутствующим Главным признакам, вес его — на 9-м месте в списке Главных признаков Южнорусского диалектного типа ([Дурново и др. 1915: 28–29; Захарова, Орлова 1970: 78–80; Пшеничнова 1996: 96, 189–191]; см. также [Касаткин 2002а: 30–32]).

4. Черты, свойственные литературному языку и диалектам, могут входить в разные множества, которые схематически можно представить следующим образом:

А	А–Б	А/Б	Б

А — черты, свойственные только литературному языку. А–Б — черты, свойственные литературному языку и всем диалектам, это общерусские черты. А/Б — черты, свойственные литературному языку и отдельным диалектам, это члены междиалектных соответствий, совпадающие с литературными. Б — черты, свойственные только диалектам, это члены междиалектных соответствий, не совпадающие с литературными.

Соотношение между литературным языком и диалектным языком на этой схеме по Р. И. Аванесову таково:

А	А–Б	А/Б	Б

■ литературный язык ▣ диалектный язык

При таком понимании диалектного языка между литературным языком и диалектным нет чётких границ, существуют значительные области их пересечения: литературный язык характеризуется чертами из областей А, А–Б и А/Б, а диалектный язык — чертами из областей Б, А–Б и А/Б; А–Б и А/Б — области пересечения литературного языка и диалектного языка, это черты, свойственные литературному языку и диалектному языку.

Между тем другие разновидности русского национального языка — просторечие и жаргоны — описываются не как языковые системы, а как совокупность черт, отличных от соответствующих литературных. Следует и диалектный язык характеризовать подобным же образом.

Исходя из всего вышесказанного, можно охарактеризовать диалектный язык следующим образом: **диалектный язык — совокупность всех собственно диалектных черт, свойственных диалектам данного языка и представленных на разных территориях членами междиалектных соответственных явлений — диалектных различий, отличающими диалекты друг от друга и от литературного языка**. При таком понимании диалектного языка между ним и литературным языком чёткая граница, отсутствуют области их пересечения: литературный язык характеризуется чертами из областей А, А–Б и А/Б, а диалектный язык — чертами из области Б на приведённой ниже схеме. К диалектному языку относятся только такие черты, которые отсутствуют в литературном языке.

А	А–Б	А/Б	Б

Р. И. Аванесов понимал под диалектным языком «язык в его в принципе бесписьменных формах в любом пункте[6] территориального распространения на всей территории данного языка», «на любой территориальной точке он имеет свою систему» [Аванесов 1964: 10, 16]. При таком понимании словосочетания «диалектный язык» и «язык всех диалектов» синонимичны. Поэтому, казалось бы, можно вообще не использовать термин «диалектный язык», как это и делают многие диалектологи[7]. Но в этом случае литературному языку противопоставляются в качестве другой разновидности общенародного языка диалекты (так же как ещё одна разновидность — жаргоны), а не их совокупность или совокупность собственно диалектных черт.

Термин «диалектный язык» необходим и по другой причине. Рассматриваемая с позиций Р. И. Аванесова зона Б в вышеприведённой схеме включает в себя такие члены диалектных различий, каждый из которых встречается только в части говоров. Однако в этой зоне следует выделить такую подзону, которая включает черты, характерные для всех русских говоров и отсутствующие в литературном языке. Исследования последних десятилетий выявили такие общедиалектные особенности в традиционной системе русского деревенского общения, в отражении в языке своеобразной для русских диалектов картины мира, в характере деревенской языковой личности (см. [Никитина 1989; Пауфошима 1989; Гольдин 1997; Демешкина 2000]).

При описании диалектных различий, свойственных всем диалектам данного языка, необходимо учитывать, как это обычно и делается, и такие члены, которые совпадают с литературными (см., например, [Аванесов 1947; Русская диалектология 1964; Русская диалектология 2013; Пожарицкая 2005] и др.). При описании диалектного языка следует учитывать только такие члены диалектных различий, которые не совпадают с литературными.

---

[6] Конечно, исключая города.

[7] В частности, так и поступают некоторые ученики и соратники Р. И. Аванесова в своих работах, посвящённых группировке русских говоров или рассмотрению явлений, охватывающих все русские говоры или их значительную часть; см., например: [Орлова, Строганова 1968; Образование 1970; Захарова, Орлова 1970]. Встречающиеся здесь единичные упоминания термина «диалектный язык» приводятся без рассмотрения его содержания [Захарова, Орлова 1970: 3]. Против употребления термина и соответствующего понятия «диалектный язык» резко выступал Ф. П. Филин [Филин 1981].

ДИАЛЕКТНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА, ТИПОЛОГИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ И СТАТУС ЧУХЛОМСКОГО АКАЮЩЕГО ОСТРОВА*

1. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков создали в 1914 г. Диалектологическую карту русского языка в Европе, на которой выделили в соответствии с терминологией того времени великорусское, белорусское и малорусское наречия (по современной терминологии — русский, белорусский и украинский языки), а в великорусском наречии северновеликорусское и южновеликорусское наречия и средневеликорусские говоры — переходные от северновеликорусских к южновеликорусским и белорусским. В приложенном к карте *Очерке русской диалектологии* [Дурново и др. 1915] авторы перечисляют и отличительные особенности этих диалектных единиц.

Северновеликорусское и южновеликорусское наречия выделены на основании комплексов диалектных черт, часть из них — соответственные явления, выделенные в обоих наречиях:

Северновеликорусское наречие	**Южновеликорусское наречие**
1. Оканье — различение гласных неверхнего подъёма в 1-м предударном слоге после твёрдых и мягких согласных.	1. Аканье — неразличение безударных гласных неверхнего подъёма после твёрдых и мягких согласных.
2. Звук *г* взрывной.	2. Звук *г* фрикативный.
3. Форма род.-вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений на *-я*: *меня́*, *тебя́*, *себя́*.	3. Форма род.-вин. п. ед. ч. личных и возвратного местоимений на *-е*: *мене́*, *тебе́*, *себе́*.
4. В окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени *т* твёрдое.	4. В окончании 3-го лица ед. и мн. ч. глаголов настоящего времени *т* мягкое (*ть*).

Кроме того указывались и черты, характеризующие лишь одно наречие.

К северновеликорусским особенностям отнесены: 1) возможность выпадения *и* неслогового между гласными и стяжение этих гласных, 2) окончание сравнительной степени прилагательных на *-ае* (*беля́е*, *громча́е*), 3) употребление постпозитивного члена при существительных.

К южновеликорусским особенностям отнесены: 1) произношение ударного *ѣ* как *е*, 2) отсутствие цоканья, 3) *ч* мягкое, 4) твёрдые долгие *шш*, *жж*, 5) отсутствие

---

* Первая публикация: *Касаткин Л. Л.* Диалектное членение русского языка, типология русских говоров и статус Чухломского акающего острова // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII): К 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2002. С. 25–39.

дзеканья, 6) окончание твор. п. мн. ч. на *-ми*, не совпадающее с формой дат. п. [Дурново и др. 1915: 18–19, 28–29].

В наречиях и средневеликорусских говорах были выделены и более мелкие диалектные группы.

Авторы карты 1914 г. составили её на основе материалов Московской диалектологической комиссии, собранных в начале века. Авторы созданной полвека спустя новой группировки русских говоров К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова [Захарова, Орлова 1964; 1970] использовали карты и материалы Диалектологического атласа русского языка [ДАРЯ], несравненно более широкие и глубокие и по объёму лингвистических сведений, и по плотности сетки обследованных населённых пунктов, и по качеству материалов, собранных сотнями людей, имеющих лингвистическую подготовку.

В результате были уточнены и добавлены многие черты, противопоставляющие Северное и Южное наречия: 26 двучленных соответственных явлений и кроме того 20 черт, свойственных Северному наречию, и 8 черт, свойственных Южному. По-новому были выделены сами эти наречия и диалектные группы внутри основных диалектных объединений, выделен особый по сравнению с членением 1914 г. тип лингвотерриториального объединения — диалектная зона.

К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова, имеющие большой опыт полевой и теоретической диалектологической работы, выделили пучки изоглосс, включающие **наиболее существенные для диалектного членения явления**, и по ним провели границы наречий, диалектных групп и диалектных зон.

После завершения работы над ДАРЯ сотрудники отдела диалектологии и лингвогеографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН по заданию тогдашней заведующей отделом Н. Н. Пшеничновой проводили в течение нескольких лет весьма трудоёмкую техническую работу по введению в зашифрованном виде в ЭВМ данных диалектологических карт ДАРЯ — легенд каждой карты и знаков этих легенд, отражающих варианты картографированного диалектного различия, у каждой точки и стоящего рядом номера, соответствующих обследованным населённым пунктам. Таким образом был создан компьютерный вариант ДАРЯ (Н. Н. Пшеничнова неточно называет его Автоматическим [Пшеничнова 1987: 4] и Автоматизированным вариантом — АВ ДАРЯ [Пшеничнова 1996: 8]). Этот КВ ДАРЯ послужил Н. Н. Пшеничновой для написания ею монографии «Типология русских говоров»[1] (учитывающей, как указывает автор, на первом уровне деления 307 Главных признаков, а всего

[1] Странно, что Н. Н. Пшеничнова «выражает глубокую благодарность» своему зятю, программисту, который, как она пишет, «разработал по предложенному мной методу программы для ЭВМ и выполнил по ним вычисления» [Пшеничнова 1996: 8], но даже не упоминает о тех многих сотрудниках отдела, которые по её требованию и создали этот «АВ ДАРЯ», без него сама работа Н. Н. Пшеничновой была бы невозможна. К сожалению, после создания «АВ ДАРЯ» все эти компьютерные программы оказались невостребованными, были утеряны, и стала невозможной не только проверка этих данных, но и использование их для других исследований.

4416 признаков[2]), которая включает и диалектологические карты, отражающие новые установки автора [Пшеничнова 1996; 1997].

Эти карты существенно отличаются от карт 1914 и 1964 гг. На картах Н. Н. Пшеничновой выделены три диалектных типа: Севернорусский, Южнорусский и Западнорусский, а также среднерусские (переходные) говоры. Территории этих типов некоторым образом соотносятся с Северным и Южным наречиями и среднерусскими говорами, а также с выделенной впервые К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой Западной диалектной зоной. Однако соотношение это весьма условное. Основные различия касаются трактовки среднерусских и западнорусских говоров и говоров Чухломского акающего острова.

2. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков средневеликорусскими говорами (не наречием) назвали говоры, в которых они определяли северновеликорусскую основу и южновеликорусское или белорусское наслоение, переходные от северновеликорусских к южновеликорусским или белорусским, не составляющие самостоятельного целого, совмещающие черты северновеликорусские и южновеликорусские или белорусские, но не имеющие своих собственных, характерных только для этих говоров, черт [Дурново и др. 1915: 32–33].

Выделены были также северновеликорусские говоры с намечающейся переходностью, которые, как считали авторы, относить «к чистым с.-в.-р. можно, конечно, лишь условно». Это говоры с «явлениями частичной утраты оканья или, что то же, частичного проникновения аканья», т. е. с такими чертами, как неполное оканье — различение /o/ и /a/ после твёрдых согласных только в 1-м предударном слоге и совпадение их в других безударных слогах, еканье, ассимилятивное аканье при окань и ассимилятивное оканье при аканье. Таким образом, в «процессе образования фонетического строя переходных говоров» были намечены «разные стадии» [Дурново и др. 1915: 45–47].

Первым критиком этого противопоставления переходных говоров и говоров с намечающейся переходностью был Р. О. Якобсон, который уже в 1916 г. в рецензии на эту работу [Якобсон 1916: 102–107] и в отдельной статье, написанной тогда же, но в полном виде опубликованной только в 1927 г., резко возражал против «той

---

[2] Следует при этом учитывать, что Н. Н. Пшеничнова признаком называет «каждый отдельный член вариативного звена СДЯ (системы диалектного языка. — *Л. К.*). Так, например, форма Тв. п. мн. ч. существительных на *-ами* (*рука́ми*, *нога́ми* и т. п.), *-ам* (*рука́м*, *нога́м* и т. п.), *-ама* (*рука́ма*, *нога́ма* и т. п.), *-амы* (*рука́мы*, *нога́мы* и т. п.) — это вариативное звено СДЯ, состоящее из четырёх членов, четырёх признаков» [Пшеничнова 1996: 22–23]. Ясно, что такое понимание признака не соответствует обычно употребляющимся диалектологами терминам *диалектное явление*, *диалектная черта*, *диалектное различие* и др. Так, например, в легенде карты 41 [ДАРЯ, вып 3.1] «Названия бьющей части цепа», представляющей одно диалектное явление, приведено 45 разных обозначений диалектных слов, т. е., по Н. Н. Пшеничновой, 45 признаков, а в легенде карты 63 «Способы наименования лошади в начальные периоды её жизни» [Там же] — 154 разных обозначений, т. е. 154 признака.

категорической границы, которую авторы *Очерка русской диалектологии* проводят между говорами переходными и говорами с намечающейся переходностью», и предложил рассматривать те и другие говоры «лишь как отдельные полосы обширной зоны средневеликорусских говоров» [Jakobson 1971: 573–574].

К подобному же решению пришли полвека спустя авторы новой группировки русских говоров К. Ф. Захарова и В. Г. Орлова [Захарова, Орлова 1964], отнеся бóльшую часть говоров Владимирско-Поволжской группы к среднерусским говорам на том основании, что «намечающаяся переходность» этих говоров «принципиально не отличается от переходности других среднерусских говоров» [Захарова, Орлова 1970: 71]. По этой же причине расширена территория среднерусских говоров и за счёт включения в неё на северо-западе гдовских и западных новгородских говоров. Все эти говоры характеризуются системами предударного вокализма, совмещающими принципы оканья и аканья — характерных черт Северного и Южного наречий.

Это решение было поддержано Р. И. Аванесовым — одним из авторов и редакторов (вместе с В. Г. Орловой) монографии, где впервые была опубликована Диалектологическая карта русского языка, составленная К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, и где ими описывалось диалектное членение русского языка, а также и всеми остальными авторами монографии [Русская диалектология 1964].

Карты Н. Н. Пшеничновой, вновь объединившей говоры с полным оканьем и говоры, совмещающие принципы оканья и аканья, в один Севернорусский диалектный тип, перечёркивают безусловную научную ценность карты К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, отнёсших эти говоры к разным диалектным объединениям и расширивших территорию среднерусских говоров по сравнению с картой 1914 г. за счёт говоров, совмещающих принципы оканья и аканья.

Неполное оканье отличается от полного не только тем, что при полном оканье /о/ и /а/ различаются во всех безударных слогах, а при неполном — только в 1-м предударном. Эта особенность отмечена в материалах и на картах ДАРЯ. Другая, не менее важная диалектная черта в ДАРЯ не отмечена.

Неполное оканье распространено в говорах с иной ритмической структурой слова, чем в говорах с полным оканьем, резко различающей эти два типа говоров, именно с такой структурой, при которой «гласные значительно длиннее согласных своего слога, предударный гласный нередко равен, а часто длиннее ударенного» и которая распространена и в среднерусских акающих говорах [Высотский 1973: 35, IV, V, VI]. «Различия в распределении экспираторной силы между разными слогами не соответствуют противопоставлению с-в-р и ю-в-р наречий: ю-в-р, ср-в-р и многие Владимирско-Поволжские (т. е. с-в-р)[3] говоры при наличии в них частных отличий всё же имеют много общего, противопоставляясь остальным с-в-р говорам» [Аванесов 1949: 61]. Знание диалектных особенностей, не отражённых в ДАРЯ (а эта далеко не единственная из них), и научная интуиция должны были бы остановить

[3] Р. И. Аванесов в то время считал, вслед за его учителем Н. Н. Дурново, Владимирско-Поволжские говоры северновеликорусскими.

Н. Н. Пшеничнову в желании объединить говоры с полным и неполным оканьем при построении своей классификации. Этого, однако, не произошло.

3. Решение о выделении какой-либо диалектной территориальной единицы в особую группу (наречие, тип и т. п.) или о её вхождении в более крупную диалектную единицу зависит от того, **какие признаки кладутся в основу диалектного членения (классификации)**.

3.1. К числу основных различий между с.-в.-р. и ю.-в.-р. наречиями Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков отнесли существовавшие ещё до выделения русского языка («в.-р. наречия») из древнерусского «оканье и аканье, цоканье и его отсутствие, *г* взрывное и *г* длительное» [Дурново и др. 1915: 32]. Граница между северновеликорусским наречием и средневеликорусскими говорами на карте 1914 г. проведена в соответствии с границей между оканьем и аканьем. В основу границы между средневеликорусскими говорами и южновеликорусским наречием положена граница между *г* взрывным и *г* «длительным» [Там же: 33]. Таким образом, средневеликорусские говоры определяются по таким опорным чертам, как сочетание аканья со звуком [г]. Типы яканья были положены в основу выделения групп говоров южновеликорусского наречия [Там же: 29–30]. Вот как оценивают это членение авторы карты 1964 г.: «Огромный опыт диалектологических изучений и тонкая интуиция дали авторам “Опыта…” возможность в известной степени удачно выбрать опорные для построения диалектного членения черты, особенно для выделения его наиболее крупных величин» [Захарова, Орлова 1970: 36].

Р. И. Аванесов, перечисляя черты, характеризующие наречия «в целом», называет, кроме выделенных Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым и Д. Н. Ушаковым (см. выше), также «возможную утрату интервокального *j* (*i̯*) с последующей ассимиляцией и стяжением некоторых групп согласных: *зн**а́э**т*, *зн**а́а**т*, *зн**а**т*» и др., свойственную Северному наречию, и отсутствие этой особенности в Южном наречии [Аванесов 1949: 212–213, 224–225].

Однако П. С. Кузнецов, один из ведущих диалектологов и историков русского языка, при выделении наречий назвал лишь следующие основные черты, по которым противопоставлены Северное и Южное наречия: 1) оканье — аканье, 2) *г* взрывное — *ɣ* фрикативное, 3) твёрдое *-т* — мягкое *-т’* в окончании 3-го лица ед. и мн. ч. настоящего (простого будущего) времени глаголов [Кузнецов 1960: 142, 148].

Первые две черты были наиболее важными и для К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой. Территория Северного наречия определена главным образом по ареалу полного оканья, Южного — по [ɣ]. «Важным признаком языковых комплексов наречий является <…> наличие в составе этих комплексов таких явлений, которые представляют собой целостные закономерности, реализующиеся в принципиально неограниченном языковом материале, т. е. вне ограничений лексического или грамматического характера. Среди этих закономерностей особо важное место занимает такое, имеющее особо важное значение в структуре любых говоров русского языка явление, как характер безударного вокализма (различение или неразличение гласных)». «Вопрос о проведении границы той или иной группы разрешался после того, как её языковой комплекс подвергался оценке и в его составе выделялись черты, наиболее

значительные для системы того или иного говора. Границы групп говоров всегда являющиеся весьма условно проведёнными линиями, указывают на пределы распространения как раз именно таких, в наибольшей степени выделяющих данную группу явлений, среди которых большое значение имеют системы вокализма» [Захарова, Орлова 1970: 21, 45–46].

Кардинальное различие взглядов на статус среднерусских и западных русских говоров К. Ф. Захаровой и В. Г. Орловой, с одной стороны, и Н. Н. Пшеничновой — с другой, вытекает из **различной оценки основных признаков**, по которым выделяются диалектные объединения.

Традиционно иерархия диалектных черт выстраивается следующим образом: фонетические — морфологические — синтаксические — лексические. В этом есть глубокий смысл: эта иерархия отражает **частоту встречаемости данного языкового явления в потоке речи**. То, что диалектологи обычно относят к наиболее важным признакам, по которым противопоставлены Северное и Южное наречия, оканье и аканье, [г] и [ɣ], связано именно с этой особенностью данных черт: их встречаемость в потоке речи наивысшая по сравнению с другими диагностирующими чертами.

Н. Н. Пшеничнова совершенно игнорирует эту сторону диалектных черт. Частота встречаемости явления в потоке речи не показана на диалектологических картах, поэтому для Н. Н. Пшеничновой все отражённые в знаках легенд этих карт признаки, которыми она только и оперирует в своих построениях, равны с этой точки зрения.

Н. Н. Пшеничнова устанавливает Главные признаки, имеющие наибольший классификационный вес и в первую очередь учитывающиеся при выделении диалектных типов [Пшеничнова 1996: 20–22, 30–31]. Расшифровка её таблиц на с. 189–203, представляющая немалые трудности, даёт следующую картину того, какие признаки Н. Н. Пшеничнова считает главными в классификации.

Так, в Севернорусском диалектном типе наибольший классификационный вес имеют такие признаки (в том числе и характеризующие диалектные явления, редко встречающиеся в потоке речи), как произношение [о] в заударных слогах и 2-м предударном и произношение [ъ] на месте /о/ во втором предударном неприкрытом слоге, т. е. противоречивые признаки, характеризующие и полное и неполное оканье[4]; [’о] на месте заударного конечного *е* в окончаниях им. и вин. п. ед. ч.

[4] Установка на использование в классификации всех признаков, выраженных в знаках легенд карт ДАРЯ, приводит к тому, что в число Главных признаков, выделяющих диалектные типы, включаются разные члены диалектного соответственного явления, в том числе и совпадающие с литературным. Так как на разных картах ДАРЯ могут быть показаны одни и те же явления, они в разной формулировке входят в число Главных признаков и, очевидно, в соответствующее число раз увеличивают вес данного признака. Например, при характеристике Южнорусского диалектного типа к Главным признакам отнесены и такие: «**21** (1186 — F 44, 2). Звонкая задненёбная согласная фонема в сильной и слабой позиции: [г] — в сильной, [к] — в слабой (*дру́*[г]*а* — *дру*[к], *сано*[г]*а́* — *сано́*[к]

существительных ср. р., [е] на месте *ѣ* в 1-м предударном слоге, формы 2-го склонения ед. ч. существительных м. р. с суффиксом *-ушк-*, форма 2-го лица мн. ч. глаголов на *-ите́*, постпозитивная частица *-от*, название малых укладок снопов зерновых культур *суслóн*, название сковородника *сковорóдник*, название цепа *молоти́ло*, прилагательное *суягная* и др. И только на 33-м месте указано различение [о] — [а] в 1-м предударном слоге после твёрдых согласных — оканье[5].

В списке Главных признаков, характеризующих Южнорусский тип, признак сильного, недиссимилятивного аканья занимает 9-е место, больший классификационный вес имеют такие признаки, как совпадение гласных на месте *е* (из **е* и **ь*) и *и* в заударном закрытом слоге, гласный [а] на месте *о* в 1-м и 2-м предударном слоге в абсолютном начале слова, безударное окончание *-ут* в 3-м лице мн. числа глаголов не 1-го спряжения, глагол *гре́бовать* в значении ‘брезговать’, глагол *игра́ть* в значении ‘петь’.

Таким образом в характеристике Севернорусского и Южнорусского диалектного типов в классификации Н. Н. Пшеничновой отдаётся предпочтение таким диалектным чертам, которые встречаются в потоке речи несравненно реже, чем оканье и аканье, проявляющиеся чуть ли не в каждом слове.

3.2. В классификации Н. Н. Пшеничновой Главными, наиболее существенными считаются «и такие признаки, которые не являются широко распространёнными ни в одном из подразделений некоторого разбиения, если их относительная частота в квалификационных единицах данного разбиения существенно различна» [Пшеничнова 1996: 30–31], иначе говоря, такие признаки, которые **встречаются в небольшом числе пунктов** территории данной лингвогеографической единицы, имеют низкую относительную частоту, но в силу того, что на других территориях этот признак не встречается или встречается в гораздо меньшем числе пунктов, он является типоопределяющим.

и т. п.) (неясно, почему указан этот признак и не указан действительно определяющий этот тип признак — [ɣ], чередующийся с [х]. — *Л. К.*). **22** (1275 — F 54, 1). В соответствии с <ф>, <ф’> литературного языка — [хв] и/или [х], [хв’] и/или [х’]: [хв]*а́ртук*, [хв]*о́рма* и т. п. и/или [х]*а́ртук*, [х]*о́рма*, *ко́*[х]*та*, *ти*[х] и т. п. — [Хв’]*или́пп*, *кон*[хв’]*е́ты* и т. п. **23** (1277 — F 54, 3). В соответствии с <ф>, <ф’> литературного языка — <ф>, <ф’>: [ф]*а́ртук*, [ф]*о́рма* и т. п., [Ф’]*или́пп*, *кон*[ф’]*е́ты* и т. п. **24** (1282 — F 55, 1). В соответствии с <ф>, <ф’> литературного языка — система [хв] — [хв’]: [хв]*а́ртук*, [хв]*о́рма* и т. п., *кон*[хв’]*е́ты* и т. п.» [Пшеничнова 1996: 97] и т. п. «Для каждого признака, входящего в диалектный тип, после его порядкового номера даётся (в скобках) абсолютный номер признака в АВ ДАРЯ, индекс раздела ДАРЯ (F — фонетика, фонология; M — морфология; S — синтаксис; L — лексика), номер карты соответствующего раздела ДАРЯ, номер признака на карте» [Там же: 58].

[5] Отношение к этому признаку Севернорусского диалектного типа Н. Н. Пшеничновой (или, может быть, её компьютера, дающего соответствующие оценки) неясно: в числе Главных признаков он оценивается и как «типоопределяющий», и как «сопутствующий» [Пшеничнова 1996: 59, 61].

Научное издание

Леонид Леонидович Касаткин

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
Том II

2-е издание

Корректор О. Круподер
Ведущий редактор В. Столярова
Оригинал-макет подготовлен С. Белоусовым
Оформление переплета С. Жигалкина

Подписано в печать 15.01.2018. Формат 70×100 ¹⁄₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Гарнитура Times.
Усл. печ. л. 61. Тираж 300. Заказ №

Издательский Дом ЯСК
№ госрегистрации 1147746155325
Языки славянской культуры
№ госрегистрации 1037739118449
Phone: +7 495 624-35-92. E-mail: Lrc.phouse@gmail.com
Site: http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru

ООО «ИТДГК “Гнозис”»
Розничный магазин «Гнозис» (с 10:00 до 19:00)
Турчанинов пер., д. 4, стр. 2. Тел.: +7 499 255-77-57
itdgkgnosis@gmail.com

Оптовый отдел
Ул. Бутлерова, д. 17Б, оф. 313. Тел.: +7 499 793-58-01
sales@gnosisbooks.ru
www.gnosisbooks.ru, vk.com/gnosisbooks